

ИСИХАСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА "БОГОМОЛЬЕ"

Муратова Татьяна Анатольевна
Аспирант,
Кубанский государственный
университет

THE HESYCHAST TRADITION AS THE BASIS OF THE ORTHODOX WORLD IN THE NOVEL OF IVAN SHMELEV "THE PILGRIMAGE"

T. Muratova

Annotation

The article examines the influence of ascetic mystical Orthodox tradition of Hesychasm on the creative method of Ivan Shmelev and reflection of this method in autobiographical novel "Pilgrimage", and also analyzes the issue of interpretation of the author's Orthodox worldview. The transformation of the main provisions of Hesychasm in the art space gives understanding of I. Shmelev exclusively as an Orthodox writer and helps to control the formation of spiritual realism of the author. Also consider the reflection of the elements of Christian anthropology in creating the image of church-going hero.

Keywords: asceticism, Orthodox anthropology, in-church hero, practice, Transfiguration, energetics, hesychastic practice, synergy.

Аннотация

В статье исследуется влияние аскетико-мистической православной традиции исихазма на творческий метод Ивана Шмелева и отражение его в автобиографической повести "Богомолье", а также анализируется вопрос интерпретации православного мировоззрения автора. Преобразование основных положений исихазма в художественном пространстве даёт понимание И. Шмелева исключительно как православного писателя и помогает проследить формирование духовного реализма автора. Также рассматривается отражение элементов христианской антропологии в создании образа воцерковленного героя.

Ключевые слова:

Аскетика, православная антропология, воцерковленный герой, опыт, Преображение, энергичность, Исихастская практика, синергия.

Творчество Ивана Шмелева, в связи с относительно недавним открытием для русского литературного наследия, приоритетно анализируется в контексте христианской аксиологии. Учитывая самобытность авторского религиозного восприятия и неканоническое изображение православной традиции в художественном пространстве, определенные исследователи склоняются к некоторой сакральности и даже мифологизации христианства в произведениях И. Шмелева. В большей степени это касается зрелых работ писателя – таких, как "Лето Господне", "Богомолье", "Пути небесные", иногда "Солнце мертвых". В частности, в кандидатской диссертации Е.А. Черевой "Мифопоэтика романной прозы И.С. Шмелева", исследователь приходит к выводу об освобождении христианства от догматизма и преобразении религии через мифологизацию и рефлексию в доступную человеческому пониманию категорию. На наш взгляд, творчество И. Шмелева является свободным от мифологизации христианства и экстатического пафоса, а также имеет в своей основе сугубо православное понимание как онтологических, так и антропологических начал. Поэтому художественный метод автора следует рассматривать в сопричастности к православной антропологии, включающей в себя множество аспектов, при из-

учении которых, произведения Шмелева становятся доступны адекватному пониманию.

На примере повести "Богомолье" данная статья имеет своей целью анализ произведения с точки зрения одной из главных линий православия – аскетико-мистической традиции исихазма, лежащей в основе восточного христианства, и раскрытие подлинно воцерковленного мировосприятия автора, воплощенного в автобиографическом тексте.

В основе сюжета повести лежит паломничество маленького писателя, его отца, и небезызвестного филешика Горкина – хранителя семьи, воплощающего в себе образ русского православного верующего, к Троице-Сергиевой Лавре. Уже с самого начала возникает мотив смертной памяти – один из важных моментов в христианском учении, имеющий своей целью напоминание о спасении души и отречении от мирских забот. Правая рука отца Вани, Горкин чувствует непреодолимую внутреннюю необходимость "...к преподобному сходить помолиться..." [2, с.4], несмотря на кажущуюся неотложность хозяйственных дел. Временность бытия тварного мира Горкин выражает словами, воплощенными в простой, на первый

взгляд народной мудрости: "Помирать не помирать, это уж Божья воля, а... как говорится, – делов–то пуды, а она – туды!" [2, с.5]. Глубоким внутренним чутьем он ощущает рационально непознаваемые истины, безошибочно отделяя главное от второстепенного. Для Горкина наиболее важным является спасение, этот сотериологический мотив и лежит в основе исихастской традиции. Несмотря на свою безусловную преданность работе и семье, где он служит и живет много лет, Горкин устремлён к вечности. На этот онтологический вектор он постоянно направляет и других героев, напоминая им об изначальном замысле человеческого пути. Для каждого православного человека исихастский опыт имеет огромную важность, поскольку именно он направлен на спасение от гибели и воплощение в противоположной ей вечной жизни в единении с Богом.

Сам паломнический путь имеет значение не меньшее, чем результат – поклонение мощам Преподобного Сергия. Помимо традиционного говения, путники должны находиться в непрестанной борьбе с помыслами. Этот момент в исихастской практике считается начальной ступенью в человеческом преображении на пути к обожению, но также должен присутствовать и на более усложнённых этапах. В сцене чаепития перед выходом из Москвы, Горкина одолевает гнев, из-за того, что ребёнку показывают пьяниц. И он незаслуженно обижает своих товарищей, чрезмерно разгорячившись. В продолжение всего пути он несколько раз будет выходить из себя, таким образом, развенчивая представления о собственной "святости" и непогрешимости, но при этом, неизменно осознавая свою неправоту и каюсь в несдержанности.

Исихастская антропология характеризуется несколькими чертами, главной из которых можно назвать энергичность – то есть процесс изменения человека на пути к Богу, а не характеристика статичной сущности. Все действия человека могут быть и хорошими, и плохими: после грехопадения искажённая природа человеческого существа несовершенна. Но благодаря свободе воли, всегда можно сделать правильный выбор. Что удивительно, Горкин, оставаясь простым выходцем из народа, человеком, всю жизнь прожившим при отце Вани, так или иначе знает и чувствует все то сокровенное, что доступно лишь глубоко воцерковленным людям. Это в очередной раз доказывает, что самоопределение человеческой сущности идёт именно от сердца, а не от ума. Богомольцы воспринимают Горкина как священника: он умеет донести главное. Все слушают, когда он своими словами объясняет догмат о грехопадении: "Родится дитё чистое, хорошее, ангельская душа. А потом и обгрязнится, чёрная станет да вонючая, до смрада...Потому и идём к преподобному – пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи–вони..." [2,с.70]. Этот мотив очищения неразрывно связан с покаянием, которое, согласно исихазму, возможно только при совместном взаимодействии человеческого стрем-

ления и Божественной воли. Отчасти для этого и нужно Богомолье – необходимо приложить усилия, потрудиться, чтобы из монолога самостоятельной молитвы перейти в диалог открытой, покаявшейся души с Богом.

В книге "Исихастская антропология о временном и вечном" о. Павел Сержантов называет исихазм "антропологической стратегией" [1], которая есть своеобразная совокупность действий и опоры на предыдущий опыт. Благодаря путешествию на богомолье, все персонажи повести приобретают какой-то свой неповторимый опыт, после которого невозможно смотреть на мир прежними глазами. Это изменение человека внутренне закрепляется и оставляет след на всю жизнь, поскольку он становится сопричастным к настоящей цели своего существования. Многообразие молельщиков повести не выглядит фольклорно–сказочным, это люди, по–разному воспринимающие ступень покаяния: кому–то достаточно поститься, а кому–то мало своих грехов, и он берет на себя чужие, мучающие плоть железными замками. Все эти разновидности аскезы – будь то безмолвие, борьба с помыслами, или укрощение собственного тела, – только первая часть пути в исихастской практике. Остальное подразумевает собой мистический опыт: максимальная близость к обожению и глубочайшее духовное перерождение.

Силуан Афонский утверждает, что всю борьбу христиан ведёт за смирение, смирение даёт человеку покой [1]. В повести смирение не раз покидает всех участников путешествия. Для самого Шмелева изображение конфликтных ситуаций между верующими людьми нехарактерно. То воцерковленное художественное метапространство, которое он создаёт, благодаря своему творческому методу духовного реализма, как правило свободно от бытовых ссор и склок, ввиду чего создаётся ощущение единой нерушимой общности в лоне православия, то есть соборности. В "Богомолье" же, на протяжении пути возникают повторяющиеся недопонимания, причём зачастую связанные именно с праведностью путников. С одной стороны, это своеобразное состязание выглядит по–детски невинно, но с другой, – это испытание смирения самой страшной страстью – гордыней. Таким образом, можно понять, что даже чистых душою людей искушения сопровождают на протяжении всей жизни, и бездейственная статичная вера всегда может привести к заблуждению, порой даже неосознанному.

Категория греха в исихазме не является постоянной, грех всегда можно исправить, замолить, именно поэтому эта антропология не делит людей на грешников и праведников. Оступиться можно в любой момент, точно так же, как и встать на правильный путь; нельзя судить человека по конкретному поступку, единичные действия не определяют внутреннюю суть. Горкин именно это объясняет другой богомольщице: "Грех, это – осудить человека, не

разобравши. И Христос с грешниками пировал, не отказывал... Прости Ты им, Господи. А мы не судьи." [2, с.121].

В конце пути, по пришествии к старцу, все получают ответы на свои просьбы – это необязательно то, о чем просит человек, но непременно то, что для него лучше. Молодка, задавившая во сне ребёнка, искупает свой грех через покаяние, страдание и безмолвие, и за это старец пророчит ей другого ребёнка, но при этом Феде, при всей его духовности и доброте, советует остаться в миру и завести семью, а не уходить в монастырь. Так происходит ещё и потому, что духовные, верующие люди необходимы не только в храмах и монастырях: своим примером в обычной жизни они должны вселять веру в других людей, сподвигнуть на переосмысление, поддержать и направить, сам батюшка Варнава говорит Феде: "Бог простит, Бог благословит... и Господь с тобой, в миру хорошие – то нужней!.." [2, с.200]. Страсти делают жизнь человека бессмысленной, и, когда приходит осознание этого, душа начинает стремиться к своей истинной природе, порой на протяжении этого пути, получая милость Господа, в самых неожиданных проявлениях. В повести таким удивительным эпизодом становится встреча отца Вани с игрушечником Аксёновым, чей дед был другом и компаньоном семьи Сергея Ивановича. Эта встреча, такая непредсказуемая и по-настоящему волшебная, есть одно из множества воплощений Божественной благодати. В исихазме, да и в православии в целом, при стремлении души к своей первоначальной сущности, Творец откликается,

взаимодействуя с человеком. Это совместное усилие и есть понятие синергии, наполняющее художественную реальность И. Шмелева, благодаря чему образ верующего, одухотворенного героя лишён догматической строгости и несёт в себе ощущение непосредственной близости к Богу, прежде всего как к Отцу.

"Богомолье" представляет собой именно этап духовного очищения человека; если "Лето Господне" даёт представление о воплощённой воцерковленной жизни и преображении действительности в православном восприятии, то "Богомолье" есть намеченное желание преображения человека, которое и отражено в первой части исихастской практики – покаянии. Примечательно, что герои произведения, оказываются примерно на одном уровне духовного перерождения – будь то маленький ребёнок Ваня, молодой парень Федя, или пожилой Горкин. Их путь лишён мистического опыта, они даже не стремятся к нему; сам Сергей Радонежский, к которому направляются богомольцы придерживался деятельного исихазма, направленного на реальное изменение человека, поиск реального пути добра, веры и правды, в отличие от психофизического исихазма Григория Паламы. Некий мистический опыт Преображения сам Шмелев позже попробует изобразить в своём незаконченном произведении "Пути небесные", но эта часть исихастской антропологии, как и все метафизическое, практически невыразима. Возможно, именно поэтому замысел писателя не получил должного воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сержантов П., диакон. Исихастская антропология о временном и вечном [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Serzhantov/isihast-skaja-antropologija-o-vremennom-i-vechnom/ (дата обращения – 20.12.2017)
2. Шмелев, И. С. Богомолье. Повести. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 512с.

© Т.А. Муратова, (krakozad@me.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

